

Юрий Елисеев

Симметрия мира

16+

Юрий Елисеев
Симметрия мира

«Автор»

2020

Елисеев Ю. П.

Симметрия мира / Ю. П. Елисеев — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-03727-4

Повествование о русском художнике, которого жизнь проверяет на прочность, о взлетах и падениях, о преданности и предательстве, о творчестве и жизни, о том, что любовь и красота держат мир в равновесии...

ISBN 978-5-532-03727-4

© Елисеев Ю. П., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Юрий Елисеев

Симметрия мира

Часть 1

Глава 1

Этот, спрятанный на задворках цивилизации, остров-призрак я обнаружил случайно и по началу был явно шокирован странными ритуалами жизни и смерти людей населявших эту землю. Земля с начала времён называлась Сулавеси. Изошрённость философии местного населения подстегнула моё желание исследовать этот мир и я окунулся в его историю со всей бестолковой страстью новичка, с удивлением и трепетом открывая всё новые грани жизни туземцев. Бонусом к моим стараниям стала точёная фигурка с парой раскосых лисьих глаз, карминовыми губками и прочим разнообразием капканов для мужчин моего возраста. Это существо вошло в мою жизнь вместе с дурманящим запахом цветущих лилий и ночными поездками за город к небольшой лагуне. Здесь, под бесконечным звёздным небом над тёмной водой и негой растворённой в прохладе ночи, я впервые по-настоящему попал в любовный плен. Обладательницу капканов звали Кахайя, что на языке местного населения означало «свет». Всё, что досталось ей от Евы: голос, взгляд, выражение лица в тени волос манило и завораживало своим животным магнетизмом. Порой мне казалось, что весь набор крючков, данных ей природой, с успехом применялся лишь для того, чтобы получив желаемое, отдаться древнему инстинкту продолжения рода. Такая неприкрытая прагматичность не укладывалась в мои представления о любовных отношениях, принятых в Старом Свете, где обычно мужчина задавал тон. Это смущало и ставило в тупик. В свои пятьдесят, будучи законченным циником, познав столько женщин разных этических норм, вероисповеданий и сексуальных пристрастий, я не мог понять, как эта девчонка, едва достигшая совершеннолетия, смогла получить надо мной такую власть...

Пять лет назад, оборвав все якоря, державшие меня в Нью-Йорке, я почувствовал себя по-настоящему свободным. Увы – свобода плохо сочеталась с творчеством – после года вынужденного безделья, я впал в предсказуемый кризис, что уже случалось несколько раз на моем веку. Я начал искать тихую гавань, где можно было прийти в себя и поразмыслить. На остров я приехал после затяжного отдыха на Бали вместе с весёлыми итальянскими туристами. Поняв, что это место вполне подходит мне, я решил «завязать с отдыхом» и открыл здесь мастерскую скульптуры. Начав работать, пару лет топтался на месте, создавая клоны своих скульптур давно получивших признание и дивиденды в Европе. Жизнь моя двигалась по инерции, по мимо моей воли и меня это совсем не устраивало. Я было начал придумывать новое звучание своих идей, но через какое-то время понял, что искать ничего не надо – я вдруг осознал – всё, что было нужно, находилось передо мной и, вслед за Гогеном, усвоил простую истину, которая состояла в том, что тела аборигенов являются лучшим инструментом из тех, на которых можно и нужно играть в изобразительном искусстве.

Когда-то жизнь в России научила меня упрямству и терпению. Я начал с чистого листа и через три года пластический язык предложенный зрителю покорила сердца европейских ценителей давно не балованных моими работами. Это был ощутимый успех. Серьёзные деньги, вырученные от проданных работ, позволили купить дом на берегу океана, где я и поселился вместе со своим старым Барни. Пёс жил со мной с тех пор, когда я увидел его в «помёте» шотландки Фиби – собаки знакомого архитектора, и десять лет являлся бессменным спутником

во всех моих странствиях по миру. Помнится, как войдя в только что приобретённый дом, пёс оглянулся на меня, словно испрашивая разрешения, затем обнюхал все десять комнат, и добравшись до спальни, улёгся на коврик у кровати, давая понять, что пост принял. Обжившись, я обнаружил недалёко от дома местный рынок, несколько магазинчиков, бар и ещё что-то похожее на крытое кафе, в котором местные могли заказать дешёвую еду. В баре словоохотливый бармен рассказал, что дальше по побережью, у подножия горы, в деревне, можно арендовать лодку или катер для прогулок в прибрежных водах, порыбачить и просто отдохнуть с компанией.

Туда мы наведались вместе с Барни в канун Нового года в начале нулевых. Оставив машину возле почты, я проник внутрь ветхой постройки и, подойдя к стойке, спросил у клерка, похожего на орангутанга преклонных лет, где можно нанять лодку. Примат, почесав небритый подбородок, надолго ушёл в транс, видимо перебирая в памяти всех владельцев плавучих средств этого поселения, после чего, спустя минуту, показавшуюся мне вечностью, сообщил следующую информацию о том, что лучше всего нанять Барона, но у него длинный райдер – чего нельзя делать на лодке; также можно обратиться к Худому Буди, хотя это тоже не лучший вариант, потому, что он в это время года большей частью хандрит и злоупотребляет дешёвым пальмовым вином, от которого становится совершенно невменяемым. Куват и Саид уже заняты ... Говорящий как-то странно посмотрел на меня будто прощупывая на слабо, затем голосом заговорщика сообщил, что у его родственника есть лодка, которая может подойти. Следуя за нехитрыми умозаключениями местного почтмейстера, из которых стало понятно, что родственные связи играют не последнюю роль в жизни этого острова, и получив схему, двигаясь по которой можно было выйти на родственника, я отправился навстречу приключениям.

Поколесив по безлюдному посёлку около получаса, я выкинул бумажку в окно машины и огляделся: кривая улочка, куда меня занесло согласно схеме, упиралась в большое красное здание, крытое, как и все здания деревни, бамбуком и пальмовыми листьями. Крыша дома заканчивалась загнутым вверх коньком с большими буйволиными рогами. Поняв, что другого здания кроме обрисованного мне почтальоном здесь нет, я с сожалением покинул прохладу салона и вылез из машины в пекло улицы. Барни сочувственно поглядел мне вслед, зевнул во всю ширину пасти, и вытянувшись в струнку на заднем сиденье, задремал. У дома я увидел старика, сидевшего в тени веранды и по описанию похожего на Сухарто. Перед ним, стоя на коленях, расположилась девушка, которая обёртывала колени старика листьями моринги. Увидев белого человека, девушка вскочила на ноги и встала за стариком, насторожено поглядывая в мою сторону. Похоже, что из всех островов архипелага, именно на этом острове, чужаки не пользовались большой популярностью. В ответ на приветствие, старик склонил голову и спросил, что привело меня в его дом. Я сообщил о своём желании покататься на лодке, но Сухарто, лишь вяло махнув высохшей рукой, ответил, что у него заболели ноги и он вряд ли сможет быть мне полезным. Потом оценивающе оглядел меня с ног до головы и, выдержав долгую паузу достойную «МХАТовских подмоетков, сообщил, что внучка, если будет предложено хорошее вознаграждение, сможет мне помочь. Он кивнул на девушку, стоящую сзади, и я впервые разглядел её. На первый взгляд у неё была угловатая фигура, худые плечи, скрытые копной иссиня-чёрных волос и странные амулеты, надетые на тонкие запястья. Сдержанные линии и робкие округлости фигуры ни о чём не говорили, пока смуглянка не посмотрела мне в глаза. Наши взгляды встретились и с ней в этот момент случилось нечто непонятное – она удивительным образом преобразилась, в её взгляде я почувствовал откровенный вызов дикарки, и что уже совсем не вязалось с хрупкостью юного создания, неприкрытый интерес охотницы. Мне стало не по себе. В это мгновение я со всей ясностью понял, как смотрит самка ягуара перед атакой на тропе в джунглях. Меня будто пронзило этим взглядом, и я почувствовал себя добычей. В этот момент «Индонезийская Диана» была чертовски хороша. Зависнув в нелепом

поклоне, я с глупым лицом смотрел на неё, чувствуя, что теряю остатки уверенности и способности сопротивляться. Мне пришлось приложить изрядное усилие, чтобы очнуться от очарования тёмных глаз и летящих линий её фигурки. «Не может этот ребёнок быть так опасен», – подумал я и поспешил улыбнуться. В ответ блеснули её жемчужины: «Кахайя», сказала она и гордо стукнула себя в грудь. Это было смешно, и я с поклоном назвал своё имя. После того, как все формальности были соблюдены, я внёс предоплату.

Захватив вёсла и Барни, мы отправились на берег, где находилась лодка Сухарто. Кахайя шла впереди, ступая грациозно и величаво, несмотря на свой совсем не великий рост. Я невольно залюбовался её походкой и она, видимо почувствовав мой взгляд, увеличила амплитуду движения, раскачивая бёдрами до неприличия, на что Барни, трусивший рядом со мной, удивлённо заворчал. Она обернулась и, показав нам обоим язык, перешла на мелкую рысцу. Добравшись до пустынного причала, она прошла к лодке и открыла большой ржавый замок. Цепь с облегчённым лязгом упала в песок. Из ящика обитого железом девушка извлекла небольшой лодочный мотор и канистру. Скоро и ловко приладив мотор к лодке, она жестом показала в сторону моря. Я помог столкнуть посудину в воду. Забравшись на борт, Барни, как старый морской волк, уселся впереди, так естественно и привычно, будто всю жизнь провёл у моря. Я осмотрелся: плавучее средство было довольно большое, крытое цветным полотном из плотного материала, используемого обычно для навесов кафе или пляжных зонтиков, что скорее всего, когда-то было и тем и другим, но доработанное стилистически и обвешанное гирляндами ракушек и амулетов, утратило свою утилитарную сущность и стало предметом культа. Лодка, украшенная таким образом, а так же рисунками, в которых можно было прочесть всю её историю от дерева, росшего в джунглях прежде, чем пойти на материал для постройки, до мастера и первой соленой морской волны, омывшей её с носа до кормы, от бесчисленных дней противостояния волнам и рифам до сегодняшнего дня, была похожа на рекламный проспект судна. Глядя на эти рисунки, я подумал, что было бы неплохо после сегодняшней прогулки дорисовать в её историю и меня. Оставив свои хотелки при себе, я озвучил хозяйке лодки свою просьбу. Как все туристы в первую очередь я захотел посетить чудо-острова, о которых не говорил только ленивый, где вода была такой прозрачности, что видимость доходила до двадцати метров, где, перегнувшись через борт лодки, можно было увидеть в мельчайших подробностях прекрасное морское дно, а если напрячься — и своё будущее. Кахайя выслушала мои пожелания и, скорчив неодобрительную гримасу, сказала, что сейчас туда надо будет идти против ветра, и показав в противоположную сторону, уверено добавила: «Туда надо». На что я покачал головой и сказал, показывая в нужном мне направлении: «Туда». Она зыркнула на меня как зверёк, но спорить больше не стала. Всю дорогу до первого острова мы молчали, Барни спал убаюканный ровным гулом мотора.

Остров, к которому мы приплыли, был небольшой, и когда мы приблизились к мелководью лодка будто зависла в воздухе. Такой чистоты я ещё не видел – дно было внизу, но ощущения воды я не чувствовал. У меня, видимо, был очень глупый вид, потому что Кахайя рассмеялась, глядя на моё удивлённое лицо, и решив добить меня, она вдруг мгновенно скинула одежду и совершенно голая прыгнула в воду. Я только увидел, как блеснула на солнце её точёная фигурка и у меня в первый раз перехватило дыхание. Кахайя ушла в глубину, и нарушая все законы физики, словно большая птица какое-то время парила в глубине, как на небе, и достигнув дна, долго кружилась среди буйства водорослей, выискивая кораллы и раковины. Мне показалось, что прошло недопустимо много времени с тех пор, когда Кахайя прыгнула в воду. Я с возрастающей тревогой наблюдал за ней, борясь с желанием прийти на помощь. Наконец я увидел как девушка, оттолкнувшись от дна, стала подниматься на поверхность. Я отвернулся, когда побросав добычу в лодку, ныряльщица рывком перелезла через борт и уселась на своё место у руля. Она, тяжело дыша, некоторое время возилась с волосами и, выжав

их, влезла в свои одежды. Поняв это, я повернулся и встретился с насмешливым взглядом девушки, которая, смешно коверкая слова, сообщила неожиданную для меня информацию:

– Ты меня бояться? Так не надо... Я тебя любить.

Я немного опешил.

– Это как?

– Как взрослая. Сильно.

На время, потеряв дар речи, я не знал, что ответить и ляпнул первую попавшуюся отговорку:

– Ты мала ещё, а я старый.

Она покачала головой.

– Не так. У нас всё решать баба, а он может быть старый.

Старый муж! Это несуразное высказывание покорило мои домостроевские принципы и убеждённости в том, что брак должен быть равным. Я, как мог, объяснил девушке, что в моём мире такая разница в возрасте приводит к грустным размышлениям и далеко идущим последствиям, что это против законов природы, и в конце концов против моего понятия об отношениях между мужчиной и женщиной. К финалу моей лекции я увидел слёзы в глазах девушки и поспешил её успокоить, сказав, что у неё все будет хорошо, что она ещё встретит своего «баба», который будет любить и заботиться о ней. Услышав это, она откровенно, в голос, разревелась. Я был вынужден подсесть к ней и обняв, стал успокаивать. Через некоторое время Кахайя успокоилась. Она больше не глядела в мою сторону, завела мотор и всю дорогу до деревни не проронила ни слова. Молча мы дошли до моей машины, где я отдал девушке оставшиеся деньги, и она ушла не попрощавшись.

Всю дорогу до дома мне приходилось напрягать извилины, чтобы отогнать мысли о девчонке и переключиться на что-нибудь нейтральное, но мысли мои почему-то крутились вокруг этой Кахайи. Ночью мне не спалось, я пил виски и глядел на звёздное небо. Барни тоже проснулся и, не обнаружив меня в кровати, недоумевая, вышел на крыльцо и сел рядом.

Так мы просидели до утра, два одиночества: собака и человек.

Неделя прошла в работе и мелких хлопотах по хозяйству. На самом деле хозяйство требовало серьёзных усилий, потому что находилось в запустении и упадке. Особых забот требовал сад, бассейн и мой дивный газон, который зарос сорняком и давно не видел газонокосилки. Было очевидно, что без помощников тут не обойтись. Я загрузил Барни в машину и отправился по знакомому маршруту. Сухарто был не один. Рядом с ним стоял знакомый орангутанг и светился дружелюбием. По всему было видно, что из денег, заплаченных за прогулку, часть перепала и ему. Старик жаждал быть полезным и конечно не безвозмездно. Поинтересовавшись о моих кулинарных предпочтениях, Сухарто предложил мне кофе. Я согласился скорее из-за необходимости присесть на его уютный диванчик в тени веранды, а отнюдь не желая что-нибудь выпить. Однако кофе был великолепен. И в правду, местное население, избалованное индусской и китайской кухней, было повёрнуто на всевозможных рецептах, завезённых в страну эмигрантами. За неторопливой беседой, я поведал старику о своей проблеме, и он согласился мне помочь. Я спросил, когда он сможет приступить к работе. Сухарто подумал, что-то высчитывая в голове и сказал, что придёт ко мне в среду, когда вернётся Кахайя, которая отправилась навестить свою мать. Я понимающе кивнул головой. Хорошая дочь должна почитать своих родителей, но старик, загадочно улыбнувшись, покачал головой.

– Она умерла давно. Кахайя понесла ей новую шляпку.

Очень простыми словами Сухарто рассказал мне, как в его родной деревне, расположенной в горах, хоронят умерших и, указав на почтмейстера, сказал, что тот, как раз едет в горы на похороны и может показать весь обряд. Как я понял, усопший был родственником и принадлежал к богатому роду. Подумав, что мне всё равно нечего делать в городе и, учитывая появившуюся возможность увидеть Кахайю, я согласился. Мы решили воспользоваться моей

машиной, потому что ехать куда-либо на общественном транспорте в пределах острова мог себе позволить только любитель давки и духоты или человек имеющий терпение крокодила в засаде у водооя.

Через час, оставив Барни охранять дом, я прибыл на почту за своим новым гидом. Путра, так звали моего гида, был разодет как павлин. Он тоже причислял себя к знатному роду, поэтому, отдавая дань традициям, вместе с пиджаком облачился в набедренную повязку. Почтмейстер лучился хорошим настроением, часть которого передалось и мне. Всю дорогу к деревне он рассказывал о своих родственниках, в числе которых рассказал историю матери Кахайи, которую звали Айша. Она была нырлящицей по типу японской Амы, только доставала со дна не жемчуг, а кораллы и всевозможные раковины, которые Сухарто, после последующей обработки, сдавал в магазин. Кахайя была зачата случайно от проезжего молодца европейской наружности, который растворился, сделав своё дело, и в истории рода с тех пор больше ничего не напоминало о нём, кроме нестандартного лица и зелёных глаз, доставшихся ребёнку от родителя. Когда мать Кахайи погибла, попав ногой в ловушку рифа, Сухарто отвёз дочь в родную деревню, где она была похоронена согласно всем обычаям народа Тораджи. Всё это Путра поведал мне, пока мы ехали в горы. Когда мы прибыли к дому родственников умершего, уже забальзамированного и выставленного на погост, пошёл второй день праздника и народ вовсю пировал и приносил подарки. Мы вручили родственнику блок местных сигарет, который я купил по совету моего спутника, и нас усадили на почётное место неподалёку от входа. К нам подошли женщины в красивых одеждах, неся подносы с мясом и кружками, наполненными пальмовым вином. Я искал глазами Кахайю, но её нигде не было, из чего я заключил, что девушка вернулась домой. Весь день играла музыка, гости танцевали и веселились. Вечером, изрядно наевшись и напившись, я засобиравшись домой, но мой гид замахал руками.

– Что ты, завтра будет самое главное!

Я посмотрел на него, не понимая, что он имеет в виду. В голове шумело от суррогатного вина и тошнило от плохо прожаренного мяса.

– «Поясни», – сказал я и тяжело вздохнул, стараясь побороть рвотный рефлекс. Путра объяснил, что завтра с утра состоится массовое жертвоприношение, после чего будут танцы, музыка и большой праздник с угощениями и раздачей мяса и сладостей. Больше всего мне хотелось в этот момент оказаться на заднем сиденье своей машины, поэтому, кивнув в знак согласия, я икнул и, пошатываясь, направился к своему пристанищу. Ночью меня мучили кошмары, в которых я вместе с быками и свиньями был забит на жертвенном камне, освежёван и поджарен как барашек на вертеле... Утром я встал совершенно разбитым, с жутким перегаром и деформированной внешностью. Публика постепенно стягивалась к лобному месту и занимала места, согласно ранжиру, установленному хозяевами. Я увидел махавшего мне Путру, который, похоже, уже был пьян, и направился к нему. Подойдя поближе, я увидел рядом с ним Кахайю, которая от неожиданности на несколько секунд превратилась в застывшую статую, но быстро пришла в себя, и убрав с лица радостное волнение, направила свой взгляд на площадь перед домом, куда уже привели жертвенных животных. Среди собравшихся возникло напряженное ожидание кровавого действия, которое передавалась толпе и, как заразная болезнь, поражало в первую очередь способность трезво оценивать происходящее. Вирус убийства овладевал мыслями так же, как и сотни лет назад, делая присутствующих соучастниками бойни. Десять человек, которые водили животных по кругу, все разом, вдруг, остановились и толпа выдохнула. Распорядитель, подняв руки и устремив взгляд в небо, что-то негромко и быстро проговорил, потом опустив руки, издал душераздирающий крик, от которого я непроизвольно вздрогнул и внутри меня всё сжалось. В руках десятерых блеснули ножи, и началось кровавое представление. Свиньи рухнули и умерли сразу, сраженные ударами в сердце, а Буффало, с рассечёнными шеями, умирали долго, истекая кровью под ритм барабанов. Они долго взрывали копытами влажную от крови землю, поднимая окровавленные рога к небу в немом и

жутком приветствии. Когда всё было кончено, туши разделали и унесли на задний двор. Народ, обмениваясь впечатлениями, собрался в кучки в ожидании продолжения праздника. Неожиданно оказавшись рядом, Кахайя, которую я уже не чаял увидеть, негромко сказала мне на ухо.

– Я опять любить тебя.

Она посмотрела на меня с вызовом, как в первый раз, только теперь во взгляде было признание, смелость и безоглядность молодости. Похоже, мне не суждено было выстоять в этой борьбе. Я наклонился к ней, чтобы попросить пощады и пригласить в гости, но Кахайя вдруг начала танцевать древний ритуальный танец и вслед за ней постепенно закружились в танце остальные гости. Я стоял и смотрел на девушку, понимая, что танцует она для меня... Ещё откуда-то сбоку я почувствовал взгляд, который ожог мне щёку, я посмотрел в эту сторону и на мгновение увидел лицо старика с татуировкой птицы на лбу. Это продолжалось мгновение и видение исчезло.. Передо мной опять была Кахайя. Возвращались мы поздно вечером. Путру всю дорогу спал на заднем сиденье, наполненный под завязку угощениями и вином, а Кахайя, склонив голову на моё плечо, умиротворённо смотрела вперёд на дорогу и похоже была на пути ко сну.

Глава 2

Однажды, конце апреля, когда мне надоело унылое однообразие местной жизни, а радость, накопившаяся в душе, требовала выплеска, я собрался вместе с Кахайей посетить большой и весёлый город Джакарту. К этому времени девушка уже довольно долго жила у меня на правах молодой хозяйки и судя по всему, была счастлива. Полная забот, планов, она, подобно самке древнего племени, помечала территорию дома всевозможными фишками и амулетами, дарующими, по её убеждению, покой, достаток, защиту от злого взгляда, порчи и ещё черт знает от чего. Она двигалась по дому субстанцией, где в каждом движении просматривался танец тела, сотканный из множества фрагментов, несущих в себе явную сексуальность.. Я был весьма доволен. Странное видение, посетившее меня в горной деревушке Тораджей, больше не являлось мне, и я списал его на усталость. Приходивший к нам в дом Сухарто смотрел на нашу связь молча, стараясь не высказывать своего мнения, только вздыхал и прятал от меня глаза – было видно, что он не в восторге от такого развития событий. Раз в неделю он постригал газон и чистил бассейн. Он вежливо отказывался от предложенного кофе и, закончив работу, спешил уйти, обычно говоря, что ему пора домой к своим курам. Я не знал, что мне делать в этой ситуации, потому что и сам был в некоторой растерянности и подвешенном состоянии. Зато Кахайя чувствовала себя так, словно родилась и всю жизнь прожила в этих хоромах. Весь день она порхала экзотической бабочкой по комнатам: из спальни на кухню, из кухни во двор, опыляя вниманием каждый уголок большого дома и ревностно оберегая очерченные ею границы. Однажды соседская дама, придя с визитом вежливости, принесла какое-то угощение в большом стеклянном бокале. Кахайя, светясь радушием и гостеприимством, так посмотрела на неё, что бокал разлетелся на мелкие осколки и весь десерт оказался на одежде визитёрши. Это было началом естественного отбора, светского кастинга устроенного Кахайей. Через какое-то время дом, походивший раньше на проходной двор, стал неприступной цитаделью этой маленькой женщины. Из соседей допускались только посетители мужского достоинства, из которых она особенно привечала маленького Сюй Чао, музыканта китайского происхождения, сочиняющего тяжелый рок и Адама, который о себе говорил, что он прямой потомок своего знаменитого тёзки. Он не уточнял которого, но явно не Мицкевича. Впрочем, этот кастинг соседей, так же как и родословная поляка, меня мало интересовали. С самого утра и до вечера я пропадал в городской мастерской, создавая свои скульптуры. Мой помощник, талантливый парень из местных, которому я запудрил мозги разговорами об искусстве, помогал мне превращать глину в бронзу. Для этого мне пришлось обучить его тонкостям форматорского и литейного мастерства, что стоило мне нескольких загубленных скульптур и массу потраченного времени и нервов. Работал он за небольшие деньги поскольку, являясь моим учеником по негласному договору, не платил за учёбу. В натурщиках дефицита не было, да и Кахайя часто позировала мне и с неподдельным любопытством и страхом наблюдала, как из под моих рук, словно по волшебству, появлялась глиняная обнаженная девушка так похожая на её «тау-тау». Как она объяснила: «тау-тау» – это копия умершего человека, которую делали, когда тот умирал, и которую приносили раз в полгода из склепа и ставили на пороге дома, где он когда-то жил. Почти каждый вечер после ужина с наступлением темноты мы приезжали на дивный, затерянный в джунглях пляж, к лагуне, глубоко врезавшейся в берег и скрытой от посторонних глаз. Здесь Кахайя любила купаться голышом. Помню первый раз перед тем, как начать купание, она бросила к ногам несколько лепестков розы, лилии и листья лавра, затем скинула одежду и, ступая по лепесткам и листьям, медленно вошла в воду. Против местных обрядов я ничего не имел против. И лилии, и лепестки роз – всё было красиво, но лаврушка меня насторожила. Я отогнал кулинарные фантазии и тоже попробовал купаться в костюме Адама. Это было весьма необычное ощущение, которое я никогда не испытывал. Море с отра-

женными в нём мириадами огней, владело моим существом и я, потеряв ощущение реальности, растворялся в невесомости, и парил среди звёзд вопреки законам земного притяжения. Как-то, в воскресенье я устроил на лужайке возле бассейна барбекю и пригласил всех, прошедших отбор, соседей. Сюй Чао принес гитару и опробовал инструмент во всю мощь пятисот ваттной колонки. Кахайя была в восторге. Она прыгала, как кузнецик, перед ним и Адамом, который сидел в шезлонге, обратив свой чеканный профиль благодарным зрителям. Всё время молчавший, он вдруг повернулся ко мне и сказал:

– А ты ведь русский. Я читал о тебе в «Таймс» – ты диссидент, русский диссидент, бежавший от коммунистов.

Я усмехнулся.

– Когда ж это было, боже мой! Вы бы вспомнили ещё мою бабушку..

Бабушка, действительно в своё время отсидела положенную ей пятнашку на Соловках за оппортунистические идеи и была более диссидентом, чем внук, уехавший из страны по меркантильным соображениям. Моё происхождение заинтересовало Кахайю, особенно то, что я – «русский». Она пристала ко мне с расспросами и мне пришлось рассказать ей о России, о Москве, о русской зиме и снеге. Когда я показал Россию на карте, она восхитилась.

– Так много снега, его можно есть?

– Любой, кроме жёлтого.– ответил я и усмехнулся.

– Тебе надо продавать его как мороженное...

Я представил себя с лопатой и улыбнулся.

– Тогда уж лучше нефть. Её тоже много.

– Продавай нефть. Если её много..

Понимая, что Кахайя не поймёт всей сложности посткоммунистического апокалипсиса, произошедшего у меня в стране, я предпочёл не вдаваться в тонкости передела собственности и объяснил проблему просто: нефти мне не досталось потому, что всю её украли до меня. На этом ликбез политэкономии был окончен и к России мы больше не возвращались. С утра Кахайя ходила на рынок за продуктами, где закупив всё необходимое и сложив в большую корзину, приносила домой. Я уже говорил, что местное население было буквально повёрнуто на еду, и моя хозяйка была не исключение. Она могла часами стоять у плиты, приготавливая очередной кулинарный шедевр и надо сказать, что в деле этом она преуспела. Я всё чаще стал думать о еде и моя одежда стала трещала по швам. Кахайя с удовлетворением смотрела на результат откорма и от её взглядов в голове моей опять зашевелились нехорошие мысли и, несмотря на их абсурдность, они упрямо рисовали картины диких нравов, процветавших когда-то среди её соплеменников. Барни, которому перепали замечательные кости, ходил за Кахайей как привязанный. Этот ренегат смотрел на неё верноподданными глазами и совсем перестал обращать на меня внимание. Он передвигался вальяжно, вперевалку, забыв, что такое собачий галоп и лёгкая, непринуждённая трусца; шерсть его лоснилась, а характер испортился и стал капризным. Воспитанная в деревенских традициях, Кахайя с удовольствием возилась в саду, удовлетворяя свои крестьянские потребности. Возделанные ею грядки со всевозможной зеленью поражали своим буйством, огромные помидоры и перцы гроздьями висели на гигантских кустах, привязанных к трёхметровым бамбуковым подпоркам. В саду рядом с бананом росла сладчайшая груша, чуть дальше располагались манго и яблони, а вдоль забора кусты малины и крыжовника. Всё это, словно сошедшее с рекламных проспектов выставки достижений индонезийского народного хозяйства, было предметом гордости и ежедневно поливалось, окучивалось и осматривалось хозяйкой по несколько раз за день. Однажды к вечеру в ворота настойчиво и громко постучали. Я вылез из кресла на веранде и, пройдя по лужайке к воротам, открыл дверь. Снаружи стоял довольно молодой мулат весь в наколках, одетый как байкер в «косуху» и увешанный цепями. Несмотря на пекло, он чувствовал себя вполне комфортно, вся его фигура выражала крайнюю степень расслабленности и двигалась, будто на шарнирах. Не

переставая жевать, «беспечный ездок», у которого, как я понял, не имелось байка, спросил: «Не здесь ли проживает госпожа Кахайя?». Получив утвердительный ответ, ошастливил меня «радостной» вестью, сказав, что он её брат. Мне не сразу удалось переварить это известие. Пройдя с ним на кухню и наблюдая сцену встречи брата и сестры, я постепенно пришёл в себя, а заодно выяснил, что сестра не очень рада брату. Мы сели за стол, разговор не клеился, упирался в общие фразы, долгие паузы и вскоре, ко всеобщему облегчению, визитёр отбыл на деревню к бабушке.

Ночью, лёжа в постели, мы болтали, прежде чем заснуть, и Кахайя поведала мне, что её непутёвый брат Юда появился на свет трёхпалым и совсем белым, хоть и был зачат от негра. Он потемнел на глазах изумлённых врачей буквально в считанные минуты, словно надкусанное яблоко на воздухе. Об этом феномене потом много говорили, но никто не мог найти этому разумного объяснения. Как бы там ни было, с тех пор жизнь брата пошла наперекосяк. Уже к семи годам страсть к бродяжничеству занесла его на другой конец острова, где его сняли с корабля, который направлялся в Гонолулу. Его опознали по трём пальцам левой руки и вернули Айше. Через месяц он повторил попытку, но на этот раз беглец растворился в джунглях, где его нашли через полгода в стае бабуинов – он кусался, ловко уходил от погони, прыгая по лианам, и был пойман сетью, когда пытался скрыться вплавь по реке. Плохие манеры, перенятые у бабуинов, ещё долго проявлялись в поведении ребёнка: он строил рожи, прыгал по крыше и однажды Кахайя видела, как он ел свои фекалии. Тогда в свои три года она не знала, что этого делать нельзя. Подражая брату она попробовала, но ей не понравилось. К десяти годам Юда, избавившись от обезьяньих привычек, пошёл в школу. Там он проучился недолго и был изгнан за приставания к ученицам старших классов, которым он показывал своё большое либидо. Айша, как могла, защищала сына и объясняла родственникам: «Это у него от папаши...». Все согласно кивали в ответ, понимая о чём она. В следующем году Айша отдала Юду в новую школу, расположенную в другом посёлке в десяти километрах за горой, где жил её дядя, брат Сухарто. Там сынок проучился ещё три года, после чего дядя вернул его домой со словами: «С меня достаточно» и, отказавшись от кофе, поспешил ретироваться. Что послужило причиной этого возврата, можно было только догадываться. Айша вздохнула и решила, что это знак судьбы. Её сын – чомо, что значит отмеченный. Она смирилась. Однажды Сухарто взял внука на рыбалку. Утром они ушли к южным островам, где в изобилии водился тунец и собирались вернуться до вечера, но ни вечером, ни утром их не было. Айша, уложив маленькую Кахайю спать, всю ночь просидела на берегу, вглядываясь в темноту ночи. Утром она вернулась домой разбитая, с самыми плохими предчувствиями, покормила проснувшуюся дочку, потом отвела её соседям, где оставила, рассказав о случившейся беде. Она отправилась к Кувату, жившему неподалёку и имевшему хорошую лодку. Куват выслушал её и согласился помочь. К обеду они подплыли к островам, возле которых собирались рыбачить Сухарто и Юда. Между вторым и третьим островком с наветренной стороны Айша увидела знакомую лодку и сидевших в ней отца и Юду. Подплыв поближе, она спросила:

– Что случилось?

Сухарто, продолжая копаться в моторе, указал на Юду и проворчал:

– У него спроси.

Подросток сидел рядом и безучастно смотрел перед собой. На расспросы Айши он не реагировал, но по всему было видно, что вину свою признаёт и готов понести наказание. Оторванный тросик стартера уликкой валялся у его ног и многое объяснял. Мотор без стартера завести не было никакой возможности, поэтому, взяв лодку на буксир, они поплыли к дому. Череда поступков не совместимых с общепринятыми нормами поведения происходила с Юдой пугающе часто. Айша даже завела дневник и записывала туда все случаи, происходившие с её сыном. Туда вошли сгоревшая православная церковь, где он одно время был служкой и следил за свечами, шесть приводов в полицию, среди которых, пять за воровство вазелина в

гипермаркетах, а так же курение марихуаны и эксгибиционизм на частных пляжах дорогих отелей. Всё это Айша прилежно выписывала в столбик и напротив ставила дату, стараясь проследить динамику опасности до критических пределов. Тревога её немного поутихла, когда Юде исполнилось пятнадцать лет. «Теперь он стал почти взрослый. Хорошо бы господь направил его на нужный путь.», думала она и господь помог ей. Юда, шляясь как-то в городе, увидел рекламу Индонезийской торговой компании о наборе матросов и прочего персонала на суда компании. На рекламе новобранцы очень походили на сомалийских пиратов, готовых к интересной и содержательной жизни. Вид бравых ребят нашёл живой отклик в душе Юды. Большое воображение тут же подсказало ему дальнейшие действия, и он отправился в порт. Его взяли юнгой на торговое судно, и через неделю он отбыл в Китай. Айша развела руками, но вздохнула облегчённо – ведь она ждала куда более худшего развития событий. С тех пор от Юды больше не было вестей, но именно этот факт, как ни странно, успокоил всех родственников и часть населения, хорошо знавшую парня. Кахайя закончила рассказ и посмотрела на меня. Я спал. Она зарылась в подушки и тоже закрыла глаза. Утром мы поехали в город, побродить по магазинам и прикупить что-нибудь из вещей. Мне хотелось сделать приятное Кахайе и купить кроме всего прочего красивое колечко. «Похоже, пора сделать ей предложение.», подумал я, понимая, что обратной дороги нет. На главной улице, впрочем, как и во всём городе, застроенном вопреки классических норм архитектурного планирования, царила градостроительная анархия. Строили здесь, «кто во что горазд», умудряясь прямую улицу исковеркать различного рода выступами и загибами, из-за которых она больше походила на лабиринт. Несмотря на это, мы отыскивали несколько нужных нам магазинов, где купили всё необходимое. Кахайя долго примеряла наряды, пока не выбрала подходящий, стилем и цветовой гаммой похожий на традиционную одежду. Я посоветовал ей взять ещё что-нибудь из европейской одежды, но девушка со смехом отвергла моё предложение, сказав, что эта одежда кажется ей смешной и нелепой. Я, пожав плечами, ответил, что на вкус и цвет товарищей нет, после чего купил приглянувшуюся мне рубашку и брюки цвета слоновой кости – цвета популярного в этой части индийского океана. Потом мы гуляли по городу, забредая в кафешки и мелкие сувенирные лавки. Я оттягивал посещение ювелирного магазина и в конце концов решил отложить историю с кольцом до путешествия в Джакарту. Когда мы вернулись, дома нас ждал неприятный сюрприз. Сухарто, с видом побитой собаки, рассказал о том, что когда он занимался делами, пришёл Юда и стал бродить по дому, рассматривая безделушки и картины. Особенно ему понравились фигурки, расставленные на полках среди книг и одна из них, выполненная из дерева и раскрашенная, поразила тем, что внутри её находились ещё несколько таких же фигурок только меньших размеров. Сухарто, всё время ходивший следом и следивший за внуком, увидел опасный огонёк в глазах и, почувствовав неладное, увёл Юду на кухню, где они пообедали. Поев и поболтав о том о сём, Юда сказал, что ему пора идти по делам и, попрощавшись, растворился в духоте улицы, а после его ухода, Сухарто обнаружил на столе записку, в которой корявым почерком было написано: «Я очень извиняюсь, но статуэтка нужна мне – погасить карточный долг. Обязуюсь вернуть, когда выкуплю обратно. С уважением, ваш Юда». Вместе с запиской старик обнаружил пропажу моей матрёшки, которую я купил на Арбате за три рубля. Я был взбешён. Этот «невольник чести» уже стал надоедать мне. На вопрос, где его найти, Сухарто сказал, что Юда, скорее всего в портовом районе у друзей. Зная, что за клоака место, в которое нырнул родственничек, можно было предположить, что искать его там не было никакого смысла.

Кахайя очень расстроилась, потому что фигурка ей тоже нравилась. Она напоминала ей рыбу, которая носила в себе деток, иногда выпуская их погулять. Ещё игрушка была похожа на беременную женщину с пятью дочками внутри. Она представляла себе, что когда-нибудь будет носить в себе таких же маленьких детей, только не пятерых, а двоих или троих и лучше пусть они будут похожи на мужа. В моменты близости со мной Кахайя часто кричала на своём языке непонятные мне слова, рычала и металась, как в бреду, это поднимало мое мужское

достоинство и самомнение на дальнейшие подвиги. И только позже я узнал, что тем самым она отгоняла злых духов, которые, по её мнению, могли войти в плод. Так кричали все женщины тораджи испокон веку. Однажды я вернулся из мастерской домой после работы. Кахайя сидела за столом на кухне, явно ожидая меня, причём, по её виду было ясно, что дело очень важное.

– Что случилось, малыш? – спросил я.

– Всё хорошо, любимый. – сказала она и, после небольшой заминки продолжила.

– Я хочу попросить тебя о чём то...

– Попроси. – сказал я. Я был заинтригован.

Кахайя встала и, подойдя к шкафу, достала склянку с какой-то жидкостью.

– Вот это надо выпить. – сказала она и протянула мне склянку. Я недоверчиво посмотрел на мою подругу и покачал головой.

– Я не буду это пить. Что за гадость?

Кахайя умоляюще посмотрела на меня и, снова протянув мне флакон, сказала.

– Выпей пожалуйста, это не гадость, это для детей... – Видя крайнюю степень сомнения на моем лице, Кахайя рассказала о том, как лечат бесплодие в деревне Тораджи: если пить это снадобье неделю, то мужчины становятся как кролики способными ко многому. Я спросил, почему она думает, что я бесплоден.

– Потому что мы вместе уже четыре месяца... А я не беременна! – потеряв терпение воскликнула молодая женщина.

Я, как мог, успокоил её, объяснив, что на это могут быть множество причин, перечислил несколько из них и посоветовал подождать с выводами. Кахайя успокоилась и, не найдя больше аргументов, улыбнулась и опять протянула мне склянку.

Перед самым отъездом в Джакарту, я получил от моего галерейщика Якова Циммермана из Нью Йорка сообщение о том, что две мои работы были проданы на аукционе и на мой счёт упала солидная сумма. Яша был моим старым товарищем, так же, как и я, покинувший «совок» для воссоединения с еврейской родиной, но поменявший свои планы и маршрут, как и сотни других эмигрантов, в немецком городе Мюнхене и разъехавшихся по миру в поисках тёплых мест. Не будучи евреем, но приобъённый к этой уважаемой нации фиктивным браком с Лилей Циммерман, сестрой Яши, которой было заплачено триста рублей, я беспрепятственно покинул страну. В Мюнхене наши пути с Лилей и Яшей разошлись – они отправились в штаты, куда и планировали, а я остался в Мюнхене, где поначалу мне приходилось несладко. Впрочем, я был молод, полон амбиций и то обстоятельство, что меня постоянно нагибали, никак не угнетало мою наследственную гордость и генетический код победителя. Поработав пару лет на чужое имя, мне удалось устроить выставку своих работ, после которой дела мои пошли в гору. Высокий профессионализм и выразительная пластика скульптур – редко встречавшееся сочетание в современном искусстве Европы, возбудили повышенное внимание к работам и дали мне возможность двигаться дальше. Из Мюнхена я перебрался в Париж, где открыл собственную галерею и через год женился на Юлии, дочери Ивана Сорокина, русского писателя давно осевшего во Франции и почти забывшего свои русские привычки и родной Псков. Мы жили в небольшом доме в Сен-Дени. Детей бог не дал, и мы не стремились к этому, жили для себя, безоглядно и счастливо. Беда пришла на девятый год, неожиданно и стремительно разрушив нашу жизнь. Юлия умерла. Вместе с ней умер интерес к окружающей меня жизни. Я тупо запил, как это умеют делать только русские – планомерно и неуклонно двигаясь ко дну. Там я, скорее всего, и оказался, если бы не вмешался тесть, который буквально вытащил меня из этого омуты. Он заставил меня взять себя в руки и начать жить заново. Я перебрался в Нью-Йорк, к его брату, который помог мне с обустройством в городе. Потом, уже через полгода, когда начал активно заниматься творчеством и налаживать связи в богемной среде Нью-Йорка, на одной из вечеринок я столкнулся с Яшей. После первых проявлений удивления и радости, он рассказал мне, что живёт здесь с тех пор, как приехал из Мюнхена, что у него антикварный

магазин, художественная галерея и большие связи в аукционном бизнесе. С этой встречи началось наше тесное сотрудничество, и Яша стал моим официальным галерейщиком. Теперешняя весточка от Яши была очень кстати, так как финансы мои требовали новых вливаний. Я поблагодарил его за хорошую новость и выразил надежду на скорую встречу. Конечно, в Нью-Йорк в ближайшее время я не собирался, но этого требовали законы лицемерия. Закончив с этим, я пошёл давать указания Сухарто, что делать, пока нас не будет дома.

Глава 3

В Джакарту мы прибыли водным путём. Кахайя ни за что не хотела лететь самолётом, и мы больше суток добирались в столицу на пароходике, курсирующем между Сулавеси и Явой. Всю дорогу нас донимали, непонятно откуда взявшиеся мухи и компания румынских шахтёров, весёлых и шумных, как цыгане. Они бродили по кораблю предлагая вино и брынзу всем, кого встречали на своём пути и в конце концов настолько достали немногочисленных пассажиров, что многие из них, не выдержав назойливого внимания, высказали мысли, о том, как следовало бы поступить настоящим мужикам, почитающим кодекс морского братства, с обузой такого рода. Покурлесив до глубокой ночи, шахтёры утомонились на три коротких часа перед рассветом и утром, протрезвевшие, они сошли на берег, и обрета свой обычный суровый вид, растворились в толпе приезжих. Через минуту я забыл о них, как о досадном фрагменте не самого удачного путешествия. Здесь же у причала я нанял такси, и разговорчивый малаец отвёз нас в гостиницу. Предстоящих дел и экскурсий запланировано было много, поэтому мы решили сначала отдохнуть с дороги. Когда спустились вниз, в отеле было обеденное время. Ресторан оживлённо шумел. Посетители сновали между столов с едой наполняя свои тарелки. Мы присоединились к ним. Кахайя взяла печёные овощи, креветки и кокосовый сок, а я, с присущей мне невоздержанностью – сутей, местный вид шашлыка, утку по-Пекински, баварские сосиски с тушёной капустой и бокал чешского «Зубра». Устроившись у окна с видом на церковь Святой Девы Марии, мы насладились видом неоготических башен и искусством кухни отеля. Кахайя глядела на меня счастливым взглядом маленькой девочки, впервые попавшей в волшебную страну. Так далеко она ещё никогда не выбиралась и всё ей безумно нравилось. Напротив за столиком обедали несколько доброжелательных мужчин, приветливые лица, которые располагали к общению. Кахайя ответила на адресованное мне приветствие, ошибочно принятое ею на свой счёт. Безупречные манеры мужчин выдавали в них англосаксов, а манера поведения и одежда людей чуждой мне ориентации. Я холодно относился к тем и другим, но не стал разубеждать свою подругу, когда она, наклонившись ко мне, шепнула: «Какие они милые». Мы с удовольствием поели и, немного посидев, чтобы еда прижилась, вышли из отеля. Адское пекло улицы живо напомнило мне наши Селезнёвские бани с их непревзойдённой парилкой, которую пестовал и ревностно оберегал от постороннего вмешательства самоназначенный парильщик Аристарх Всеволодович Петровский, который знал в этом толк и до конца своей жизни держал марку лучшего мастера в Москве. Пар у него был такой густой силы, что мужики вползали на подмости, прижимаясь к деревянному настилу, охая и дыша через раз, пока осаждался жар. Аристарх ходил между телами в своей неизменной «будёновке» и, помахивая вениками, отпускал скабрёзные шуточки... Воспоминание о парильщике помогли мне преодолеть жар улицы. Под палящими лучами солнца мы прошли до мечети, увенчанной громадным куполом, способным перекрыть футбольное поле и отдышавшись под её тенью направились к монументу Независимости, видимому из любой точки города. С независимостью в стране были большие проблемы, так, по крайней мере, утверждали средства информации руководителей страны от Сукарно до Сухарто. Официально она была обретена после войны в тысяча девятьсот сорок пятом году, о чём свидетельствовал герб Индонезии, а точнее мифическая птица Гаруда, в оперении которой была зашифрована дата провозглашения республики. Она имела девятнадцать перьев в нижней части тела, сорок пять на шее, что составляло год окончания войны. Восемь перьев в хвосте намекали на август, а семнадцать перьев в каждом крыле – на число. Мы добрались до монумента достаточно быстро, он словно магнитом притягивал на площадь массы людей, которые текли к нему со всех сторон, как на маяк, и разбившись о сто тридцати метровый обелиск, отхлынув, текли дальше. В толпе нас протасило мимо монумента Монас, мимо очереди, стоящей у входа в обелиск, нас понесло на улицу

Мердека, где через полкилометра выплеснуло в огромный торговый центр. Очутившись в прохладе, я вспомнил о своём решении купить кольцо и отправился на поиски ювелирного магазина. Кахайя крутила головой и шла следом, вцепившись в мою рубаху, как ребёнок за юбку матери. Ювелирный я нашёл на втором этаже здания. Продавщицы (китайки местного разлива) и толстый индус, видимо хозяин магазина, похожий на одетого в белый пенджаб борова, сразу взяли нас в оборот, предлагая то колье, украшенное жемчугом, то серьги размером с блюдца, то серповидные диадемы. Хозяин так масляно глядел и с таким животным трепетом прикасался к Кахайе, что мне до невозможности захотелось дать ему в рожу, но поглядев на устрашающего вида охранника с кулаками чуть больше моей головы, я воздержался. Стало интересно, как далеко зайдёт местный ловелас и как это отразится на цене кольца. Кахайя, видимо, поняв мои намерения, стала заигрывать с толстяком. Тот вне себя от счастья пустился в обольщение моей возлюбленной. Похоже, он принял Кахайю за мою дочь и всю одаривал меня своим радушием, а мою спутницу – обаянием. Сладострастие, превратившее его лицо в набор восточных сладостей, было настолько приторным, что вскоре я поспешил прекратить его воркование и попросил перейти к делу. Тот, всё ещё находясь в состоянии влюблённого голубя, жестом фокусника рассыпал перед девушкой дюжину колец и заведённый красотой молодости и действием тестостерона, предложил хорошую скидку. Мы купили у него шикарное кольцо за полцены и отбыли не прощаясь. Уходя, я поймал странный взгляд, которым индус обменялся со своим охранником. Следующие полчаса, Кахайя не сводила счастливых глаз с кольца, всё ещё не осознавая того факта, что ей сделали предложение. Конечно, она давно ждала этого и даже представляла в своих фантазиях, но теперь, когда всё случилось, была по-настоящему переполнена радостью. Пока бродили по городу, рассматривая достопримечательности, которые компактно расположились в районе площади Независимости, незаметно подошло время ужина и мы, сделав приличный крюк, приблизились к своему отелю. Усталость, а так же необходимость поесть, подсказали нам дальнейшие действия, поэтому, преодолев последнюю пару кварталов, мы вошли в прохладный холл гостиницы. Портые восхищёнными глазами проводил фигуру Кахайи и осёкся, встретившись с моим взглядом, обещавшим ему долгое лечение у специалистов опорно-двигательного аппарата. У лифта я задержался, пропуская невесту в кабину и, войдя следом, нажал кнопку этажа. Двери закрылись, но прежде я успел заметить знакомую фигуру охранника из ювелирного магазина, который подходил к стойке администратора. Я удивился, но тут же нашёл этому разумное объяснение тем, что появление охранника могло быть простым совпадением или я попросту ошибся, приняв за него другого человека. Мы приняли душ, немного отдохнули, затем спустились в ресторан. Охранника в холле уже не было. Я подумал, что возможно мне действительно привиделось и, немного успокоившись, всецело отдался разнообразию кулинарной фантазии шеф-повара отеля. Выбрав всё необходимое и захватив два бокала вина, любезно предложенные барменом, мы направились в зал. Наш столик был занят. Компания англосаксов заметно разрослась, это наводило на мысль, что возможно в гостинице намечается слёт представителей нетрадиционной ориентации. Кахайя помахала давешним знакомым свободной рукой, собираясь подойти к ним, но я одёрнул её и увлёк за пальму в центре зала, где, сосредоточившись на еде, я забыл и геев, и привидевшегося мне охранника. Поужинав мы вышли в город. Джакарта вечерняя понравилась мне куда больше. Жара, плавившая асфальт и мозги наконец спала, и город вздохнул свободно. Он окрасился огнями, принарядился в светящиеся одежды рекламных щитов и начал свою ночную жизнь, полную неги, музыки, соблазнов и любви. Мне показалось, что людей на улицах стало значительно больше, они преобразились в сказочных героев, похожих на персонажей «Рамаяны», которые воплощали сюжет древнего эпоса в декорациях современного индонезийского города. Сравнение показалось мне удачным и близким к индусским традициям местного населения. Это было забавным, мне стало беспричинно весело от реальности происходящего. Я ничего не курил и не принимал запрещённых препаратов, но почувствовал себя

Рамой, а Кахайю – своей женой Ситой. Улица окуталась дымкой от благовоний и расцвятилась пятнами светящихся огней, плывущих среди колышущейся толпы. Голова моя немного кружилась. Оглянувшись вокруг, я понял, что попал в сказку: я узнал в проходящем мимо полисмене Лакшмана, своего младшего брата, который сопровождал меня в изгнании и Ханумана в виде высоченного памятника, изображавшего обезьяну на коньках. Я шёл по улице, улыбался встречным людям и не понимал, насколько был близок к сюжету бессмертного эпоса и динамике развивающихся в нём событий. В прекрасном настроении мы приблизились к дворцу Мердека, бывшим когда-то резиденцией генерал-губернатора Голландской Ост-Индии. После войны он был переименован во Дворец Независимости. В толпе зевак было много европейцев в одеждах туземцев, с которыми азиаты охотно делали совместные фото, для того, чтобы потом поместить изображение с экзотикой на стенку своего жилища. В этой части света, где так много людей имеют своё представление о красоте, одежде и самой жизни, появление представителя другой расы было сравнимо с появлением Миклухо-Маклая среди папуасов Новой Гвинеи. Я оценил насмешку истории, и мне представилась фигура папуаса на Уолл-стрит. Мне стало удивительно просто понимать, что происходит, и видения, начавшиеся у отеля, продолжались здесь, у дворца Мердека. Ощущение раздвоенности превращало реальность в сюрреалистические подмостки, на которых двигались древние персонажи. Я опять увидел Дашаратха, своего отца, который умер, не дождавшись моего возвращения, Лакшмана: брата моего, последовавшего за мной и другого брата Бхатара, занявшего мой трон; я увидел свою Ситу, стоявшую передо мной в королевском наряде. Моя голова беспричинно задёргалась, будто в танце, всё вокруг завертелось, скручиваясь в одну точку, где я узрел скользящего по небу Шиву, который указывал на каких-то людей, приближающихся к нам с Кахайей. Среди них я узнал охранника и главного своего врага – Равана, так сильно напоминавшего хозяина ювелирного магазина. Я сделал шаг, чтобы схватить его, но в глазах моих померк свет и я устремился во тьму... Я очнулся от того, что какой-то китаец хлопал меня по щекам. Вокруг стояли люди. Потом они расступились, ко мне подошли двое полицейских. Один наклонился и, посмотрев в мои глаза, сделал утвердительный кивок другому. Через четверть часа меня отвезли в госпиталь, где взяли кровь из вены, затем выслушали мою историю. Я всё время спрашивал про Кахайю, но худой как мумия полицейский в чине сержанта сказал, что ему ничего не известно и надо ждать начальства. Видя моё плачевное состояние, врач уложил меня на кушетку и в этом положении, в полубоморочной дрёме, я провёл ночь. На утро меня отвели к полицейскому начальнику. Мистер Джуанга, скучая, выслушал меня и прервал мой рассказ, когда я приступил к умозаключениям.

– С коктейлем, который вы приняли, дорогой мой, вам могло привидеться все, что угодно, – сказал он и придвинул ко мне листок бумаги.

– Вот, ознакомьтесь.

Я посмотрел на листок с таблицей и спросил:

– Что это

– Это то, что в нашей стране может потянуть минимум на два года.

И мистер Джуанга рассказал мне о том, как его страна борется с наркотиками, какие наказания и сроки предусмотрены за употребление и распространение. У меня засосало под ложечкой, и я испытал лёгкую панику. Вот так, за здорово живешь, можно загреметь на долгий срок за то, чего не совершал.

– Бред какой-то, – сказал я и добавил, что прежде чем обвинять, надо во всём разобраться.

– Разберёмся. – Уверенно резюмировал мистер Джуанга и мы отправились в отель, где выяснилось, что моя спутница, зарегистрированная вместе со мной прошлым утром, не ночевала в гостинице. Попутно, осмотрев мои вещи и не найдя ничего предосудительного, полицейский закрыл вопрос о наркотиках. После того, как мозги его заработали в нужном направ-

лении, мы отправились в город, где добравшись до торгового центра, посетили злополучный магазин, куда меня занесло в поисках кольца. Охранник был на месте, китайки тоже. На наши вопросы охранник ответил, что хозяин в отъезде по делам фирмы и будет только завтра. Глядя на его невозмутимую физиономию, я всё больше убеждался в том, что именно его видел в холле гостиницы и позже у дворца Мердека. Понимая, что застать врасплох никого не удалось, полицейский задавал вопросы скорее для проформы: было ясно, что улики против подозреваемых нет. Джуанга для очистки совести заглянул в подсобные помещения, записал данные хозяина и пригласил меня на выход. На улице он остановил меня и, взяв за лацкан пиджака, посоветовал возвращаться домой и там ожидать результатов расследования, сообщив заодно, что может оказаться так, что господин Раджив Шетти не имеет никакого отношения к исчезновению моей жены; а истинные причины, возможно, кроются совсем в другом. Тем не менее, не смотря ни на что, будут предприняты все необходимые для розыска действия. С этими словами полицейский пошёл к машине, легко ступая по горячему тротуару, с видом человека решившего трудную задачу. Я смотрел ему вслед, понимая, что ничего предпринимать мистер не будет и полагаться на скорый результат бессмысленно. В отеле, окончательно утвердившись в этой мысли, я позвонил человеку весьма известному в элитных кругах города. Этим человеком был Эмил Стоянов, давнишний мой приятель и сокурсник по институту, где он постигал премудрости искусства ещё во времена Советского Союза. После учёбы судьба развела нас и только спустя много лет мы снова увиделись на Венецианском биеннале, где оба участвовали с проектами как дизайнеры. Встретившись со мной в своём офисе, Эмил выслушал меня, качая своей густой, теперь заметно седой гривой, потом, осушив свой бокал виски, сказал:

– Тебе нужен детектив.

Я вопрошающе смотрел на него и Эмил в нескольких словах обрисовал своё видение ситуации, из которой следовало, что Кахайю умыкнули не по ошибке, а заранее спланировав и опоив нас какой-то дрянью. Следы, скорее всего уничтожены, а девушка спрятана в надёжном месте. И чтобы найти это место, нужен специальный человек, другими словами: детектив.

– И у тебя есть этот детектив, – подсказал я, чтобы придать завершённую форму его мыслям.

– Нет. Ответил Эмил. – Но у меня есть племянник-лоботряс, он умён – шельма, и я уверен, что он справится, тем более, что любит совать свой нос в чужие дела.

Похоже другого варианта не было, я развёл руками и выделил денег. Племянник, которого звали Алан, рьяно взялся за дело и я удивился тому обстоятельству, как профессионально он вёл слежку, не уступая своему знаменитому тёзке по фамилии Пинкертон. За три дня он узнал, где живёт хозяин магазина, какая у него машина, на каком причале стоит его яхта, сколько у него слуг и охраны. За небольшие деньги этот доморощенный детектив подкупил служанку, которая убиралась в доме и она многое рассказала о привычках и характере хозяина. Выяснилось, что господин Раджив очень любит лошадей и молодых девушек. Часто уезжает на Шри-Ланку. Что там делает, ей не известно, но слуга Кумар, часто сопровождающий его в поездках, как-то проговорился про «Сад желаний» в поместье Раджива на острове и о том, что «это рай на земле». Он жил рядом с поместьем в рыбацкой деревне вместе с сестрой, и был взят в услужение к Радживу. Найти подход к Кумару нашему детективу не удалось. Деньги и женщины не интересовали рыбака, но судя по странностям в поведении, выходило, что тот подумывает о смене пола, другими словами Кумар давно ощущал себя девушкой. Занимаясь этим делом, племянник искренне недоумевал, как этот бородатый бугай с бычьей шеей и огромными ступнями превратится в хрупкую девушку с атласной кожей и лёгкой походкой. Из всего сказанного вытекало следующее: если Кахайю вывезли из города и страны, то искать её нужно на Шри Ланке в поместье Раджива. Для этого надо каким-то образом вынудить ювелира отправиться на остров и тем самым указать нам дорогу до «Сада желаний». Судя по распорядку дня Раджива он вёл рутинную жизнь торговца, выставляя, может быть, вполне мыш-

ленно, все свои действия и передвижения напоказ, тем самым как бы говоря, что скрывать ему нечего. Алан подтвердил моё предположение, сказав, что это как раз и является косвенной уликой причастности к похищению. Но как вынудить Раджива сделать ошибку? Эмил предложил ждать удобного случая, ведь когда-нибудь ювелир потеряет осторожность и выдаст себя. Идея сама по себе была хороша, но у меня не было времени ждать. Я понимал, что каждый лишний день для Кахайи был полон страха и отчаяния. Время проходило, не давая нам никаких зацепок, и мы не продвигались ни на шаг в своих поисках. Я несколько раз связывался с мистером Джуангой в надежде узнать хоть какие-то новости, но в ответ слышал одно и то же: фотографии разосланы по всем полицейским участкам, данные о девушке занесены в базу Интерпола. Ждите. В конце концов наш Пинкертон подловил Кумара на крючок и тот клюнул на информацию о том, что недавно по побережью на юге Шри-Ланки прошёл сильнейший тайфун и натворил много бед. Человек, сообщивший ему эту новость, как бы случайно встреченный им на рынке, был нанят Аланом в припортовой бильярдной и часто посещал Шри Ланку, так что ему не составило труда описать часть побережья, перечислив около дюжины поселений и деревушек. Кумар рассеяно слушавший названия мест, которые мало его интересовали, как показалось лазутчику, напрягся, когда он упомянул городок Хиккадува, расположенный в ста километрах южнее Коломбо. Эта реакция подсказала Алану, где искать. Очертив на карте круг в десяток километров, он выписал все известные поместья в округе. Их оказалось немного: две усадьбы находились в джунглях, четыре на берегу и ещё одна в горах. Исходя из этого, было решено начать поиски. Я должен был отправиться на Шри-Ланку, а наш Пинкертон продолжать слежку за своими подопечными и держать со мной связь.

Глава 4

Моё прибытие в Коломбо ознаменовалось внезапно налетевшим тайфуном. Видно слова, сказанные с целью обмана, имеют вредную особенность сбываться. От аэропорта до города я добрался на «тук туке»: мопеде с кабинкой сделанной из старого холодильника. Водила этого мутанта привёз меня прямо к дорожной инспекции, и пожелал удачи в моих начинаниях. Чтобы купить местные права и арендовать малолитражку, мне пришлось затратить пять часов и уйму нервов. Я проклял душный офис и ползающих по нему неторопливых, как здешняя жизнь, чиновников, с движениями ленивцев и реакцией имбецилов. Получив, наконец, права и ключи, я пошёл на стоянку, где находились машины прокатной компании «Еврокар». Маленькая «Тойота» мне сразу понравилась: беленькая и чистенькая, она обещала прохладу салона и комфортную езду. Через четверть часа, выехав из Коломбо, я отправился на юг в сторону Хиккадувы. Участники дорожного движения в этой стране, похоже имели весьма отдалённое представление о благородных правилах этого движения и мне приходилось периодически уворачиваться от выскакивающих на встречу сумасшедших автобусов, байкеров, а так же людей, обезьян и домашней птицы. Дорога вилась среди холмов и небольших гор, засаженных плантациями чая, корицы, кардамона и другими пряностями, которыми так богат остров. С древних времён, сюда на «райский остров», как называли его Птолемей и Марко Поло, первыми протоптавшими дорогу к этому чуду, стекались дороги всех европейских купцов, торгующих заморскими приправами. Цейлон поставлял в Европу экзотику и новые вкусы, стоившие больших денег, за обладание островом долгие годы бились Голландия и Англия. В результате от голландцев остался форт на юге острова, а от англичан маяк. Из Коломбо, не останавливаясь, я полетел поселения Ваддува, Берувелла, на подъезде к Индурува переехал змею, которых, как мне сказали, великое множество на острове и затем увидел живого слона и его погонщика: смуглого, худого, как старая обезьяна-капуцин, индуса. Тот шёл босой по пыльной обочине, закутанный в красное полотнище и, увидев проезжавшую «Тойоту», сделал мне знак «Виктория», чем немало удивил и озадачил меня. Но, в конце концов, это был хороший знак и оставшуюся дорогу до Хиккадува я проделал в приподнятом настроении. В посёлке я нашёл приличный гест хаус, где за умеренную плату смешался с бодрыми массами туристов. Мне было необходимо осмотреться и навести справки. Наше подобие гостиницы населяли поляки и болгары, отдыхающие скромно, без фантазий и группа русских, которые проводили время, как всегда, с веселой выдумкой, на грани международных осложнений. Уже вечером, в день моего приезда, я стал свидетелем одной из шуток, устроенных ребятами из Сургута, сурового, но справедливого северного города Сибири, которые были весьма доброжелательны к окружающим. Как они пояснили австрийскому почтальону, имевшему несчастье сэкономить денег и поселиться в гест хаусе, Сибирь это отдельная страна на востоке России, где много снега и нефти, которую они как раз и добывают. Они показывали наглядно как качается нефть на примере трёхлитровой бутылки водки с насосом, привезённой из Сургута в ручной клади под видом газировки, для чего была переклеена соответствующая этикетка. Австриец никак не хотел выпивать, и вяло отбивался, но сибирские ребята могли уговорить кого угодно. Они хотели склонить к пьянству и меня, но я решительно отказался, прикинувшись больным, а так же утаил, что по происхождению я русский. Вполне возможно, что в другое время опрокинув с ними стакан другой и впусив в душу отраву ностальгии, я бы отправился с этими ребятами в вечер воспоминаний и мы бы просидели до утра, уважая друг друга и вспоминая о лучших временах. Увы, в моей теперешней ситуации это не представлялось возможным. Эти трое были симпатичны мне и представляли ту же популяцию, что и я, но все мои мысли были заняты другим. Мне нужна была информация. На трассе, что протянулась в центре посёлка, находилось множество лавочек, кафе и магазинов, куда я отправился на следующий день под видом

туриста разузнать об интересующих меня местах на побережье. На этот счёт в Хиккадуве была хорошо развита инфраструктура и сарафанное радио – в первом же баре мне налили местного красного рома «Калипсо» и рассказали о последних новостях. Ром, на удивление, был превосходен. Бармен, высокий, стройный тамил, поведал, что тростник растёт на острове так же хорошо как на Кубе и Ямайке, только ром здесь отличается рецептурой и вкусом. Скажем, Арак выдерживается на соке цветков кокосовых пальм. В Рокленде, где производят Арак, на заводе стоят огромные дубовые бочки, в которых напиток находится от двух до десяти лет. Я попробовал стаканчик Арака с привкусом кокосового сока и нотками корицы и мне понравилось. Бармен рассказал о большом наплыве туристов, в основном любителей сноуринга и сёрфинга, но отнюдь не хорошей выпивки. Правда несколько раз заходили шумные и уже разогретые русские парни, которых не смущала высокая цена напитков. Они посмотрели футбол, хорошо выпили и научили его некоторым словам, которые они кричали во время матча Россия – Андорра. Бармен с довольным видом коряво и с трудом выговорил несколько матерных фраз и широко улыбнулся, блеснув ослепительно-белыми зубами. Я улыбнулся в ответ и спросил у него, что за люди живут в городке, кто они и чем зарабатывают на жизнь. Похоже, это была его любимая тема. Как всякий бармен, тамил считал себя знатоком человеческих душ. Истории клиентов, рассказанные ему во время работы, распирала его мозг и требовали выхода в ненавязчивой, поучительной форме повествования и теперь он имел возможность, со знанием дела, дать свои рекомендации и советы свободным ушам случайного собеседника. Он перечислил все группы людей, от бродяг и местных алкашей: безобидных, но портящих своими лохмотьями и пропитыми рожами пасторальные виды острова, до владельцев фешенебельных вилл и поместий, расположенных на побережье, среди которых были богатые европейцы, индусы, чайный барон и несколько местных, владеющих небольшими усадьбами. Так же бармен сообщил, что жители рыбацких деревень каждое утро привозят на рынок утренний улов и, при желании, я бы мог завтра купить тунца, которого они тут же приготовят в фольге с лаймом и карри. Очень вкусно. Я осторожно вернулся к владельцам поместий. По словам стройного тамила с белозубой улыбкой и знанием русской ненормативной лексики, если ехать дальше на юг к Галле в четырёх километрах на побережье находится небольшая усадьба его хорошего друга, хозяина всех заправок от Коломбо до Хиккадува. А сразу за ней большое поместье голландца, предки которого жили здесь с незапамятных времён, сразу на восток, в джунглях, владения испанца, живущего постоянно в Европе и приезжающего сюда два-три раза в год. Словоохотливый бармен пустился в рассуждения о том, что иностранцы скоро скупят весь остров, а местным останется только рыбная ловля и тяжёлая работа на плантациях. Слушая его сносный английский, я постепенно вникал в тонкости жизни побережья. Островитянин был доволен. Ещё никогда иностранец не слушал его с таким вниманием, он пел соловьём, рассказывая всё новые подробности и сплетни о том, что хозяин усадьбы рядом с посёлком связан с криминалом и вовсю занимается контрабандой. У него кроме рыбацких лодок, которые он сдаёт желающим порыбачить, есть два больших катера способных уйти от любой погони. Мне стало хорошо от выпитого рома, но способность концентрировать внимание я не утратил и мгновенно протрезвел, когда бармен, среди диковин и достопримечательностей Хиккадува, упомянул рыбацкую деревню, в которой, из-за гендерного сбоя, почти всё мужское население причисляет себя к противоположному полу. Несчастные женщины вымирающей деревни пустились во все тяжкие и разбрелись по острову в поисках настоящих мужиков. Я спросил, где находится деревня. Бармен ответил, что удивительная деревня находится в шести километрах на север и переключился на описание буддийского храма в центре озера недалеко от Хиккадува, но я уже не слушал его. Информация владеет миром, но мне было достаточно её части. То, что я узнал, сузило мои поиски до минимума и теперь оставалось только протянуть ниточку от деревни до поместья Раджива, но после выпитого, меня хватило только на то, чтобы вернуться в гест хаус с бутылкой «Калисто» в качестве сувенира. Градус, бродивший во мне,

направил меня как путеводная звезда к беседке, где мои непутёвые соотечественники пели песню Жеки про рюмку водки на столе. Я не знал слов, но так затянул припев, что нефтяники сразу умолкли и уставились на меня, как Зита на Гиту, признав в той родственницу. Когда они пришли в себя, я представился и предложил распить бутылочку «Калисто», чем вызвал одобрение и живейший интерес к напитку. Мы разговорились. Ребята рассказали мне, что происходит в стране, как постепенно она вылезает из задницы, про войну и бардак в армии. Они сыпали словами, которых я давно не слышал и, в силу своей удалённости от русскоязычного населения, не употреблял последние двадцать лет. Слова эти сейчас не резали слух, даже наоборот – я ржал над непристойными шуточками и двусмысленными анекдотами. Через полчаса мы уже были друзьями и пили на брудершафт, они знали всё о моей несчастной жизни и жалели меня, размазывая пьяные слёзы по небритым щекам.

– Если чё, приезжай к нам, в Сургут. – с трудом выговаривая слова произнёс нефтяник по имени Егор, здоровый как лось трёхлеток. Я сказал, что не все дороги ведут в Сургут, но пути господа неисповедимы и Сургут тоже возможен. Потом я пошёл в номер, где проспал четырнадцать часов и проснулся рано утром с тяжёлой головой и больной совестью. Посмотрев на входящие вызовы, я увидел, что Алан семь раз за вечер выходил со мной на контакт. Видимо с какими-то новостями, но, естественно, я был недоступен. Звонить ему было рано, я вышел во дворик. В беседке, облокотившись на стол уставленный пустыми бутылками, спали русские герои-нефтяники. «Видимо ребята хорошо вчера погуляли» – заключил я и отправился на улицу. Владельцы магазинчиков открывали двери, поднимали жалюзи на окнах своих заведений, выставляли товар на витрины, раскладывали его на стеллажах на улице. Городок просыпался и начинал свою привычную жизнь, появились первые прохожие, спешащие по делам. Машины, в основном раритеты, везли одних пассажиров по дороге в Галле, а других обратно по дороге в Коломбо. Я постоял, посмотрел на проезжающих и решил, что мне тоже пора ехать. «Тойота» была припаркована под навесом рядом с чьей-то «Маздой». Я захватил из номера документы, права и, сев в машину, отправился на север в рыбацкую деревню заселённую трансгендерами. Дважды мне приходилось искать съезд к деревне на разбитую и размытую дождями дорогу, которая два километра кружила по джунглям и в итоге упёрлась в два десятка лачуг, давно не видевших хозяйских рук. Похоже, жители были полностью поглощены своей бедой и несчастные дни свои проводили в постоянной депрессии. Оставшимся женщинам приходилось туго, они работали за себя и за находящихся в унынии, запутавшихся в своих ощущениях мужиках, которые были для них пока ещё мужьями. Они рожали новых, потерявших ориентацию мальчиков и молились, когда появлялась девочка. Многие искали семя на стороне: женщины уходили в паломничество к пику Адама, по пути предлагая себя всем желающим и на горе, в храме молились о здоровом потомстве. Мне стало немного не по себе, когда, выбравшись из машины, я был окружён возбуждёнными особами с явными намерениями взять меня силой. Вяло отбиваясь и призывая женщин к порядку, я устремился в центр деревни к разделочным столам, где работали пятеро мужчин, одетых в женские одежды. Выставив на стол несколько бутылок пива, я поинтересовался насчёт покупки рыбы. Конечно, меня подмывало спросить про Кумана, но я решил действовать издалека. Первым делом завёл разговор о странностях, происходящих в судьбе, о том, что написано на роду никак не избежать, и как иллюстрацию к этому, поведал удивительную историю, услышанную мною от знакомого битника в пригороде Парижа лет двадцать назад. В ней говорилось о том, что у одного богатого торговца в Хевроне было большое и прибыльное дело, были братья, помогавшие в хозяйстве, молодая жена и сыновья – наследники процветавшей торговли. Он счастливо жил с женой и с уверенностью смотрел в будущее, пока не встретилась ему на рынке пифия, которая поглядев на него, сказала:

– Вижу большие беды на твоём лице.

Торговец удивился и спросил:

– Как ты можешь видеть того, что скрыто от глаз?

– Я не смотрю глазами, – ответила пифия – я вижу картинками в голове.

Торговец рассмеялся, глядя на женщину, и тогда пифия рассказала о том, что ждёт его в будущем, что он будет опозорен женой, предан и ограблен роднёй и смерть встретит нищим, никому не нужным, сумасшедшим стариком. Торговец рассмеялся и ушёл прочь, но придя домой, увидел, что жена не такая уж добропорядочная женщина, а братья вполне могут замышлять недоброе. В его душе зародились сомнения, которые со временем переросли в навязчивую идею. Время шло. Вскоре он развёлся с женой и отправил её с детьми к родителям в Гамалею. Разобравшись с угрозой бесчестия, он взялся за братьев-завистников и, обвинив в воровстве и махинациях с учётными книгами, выгнал их из дела. Сделав это, успокоился и решил, что опасности, которые предрекла на рынке пифия, теперь минуют его. Он зажил в одиночестве, не доверяя никому, и приумножил свои богатства. Но через много лет слова пифии забылись, ему надоело одиночество и, потеряв бдительность, он влюбился в молодую красивую женщину, которую встретил в Ерусалиме, куда приезжал по делам. Внезапная страсть увенчалась свадьбой, и молодые отбыли в Хеврон, куда потом перекочевали её отец и братья. Торговец ввёл их в дело и, по просьбе молодой жены, сделал её отца своим компаньоном. Он был околдован женщиной, привыкшей и умевшей манипулировать мужчинами, перестал заниматься делами, поглупел настолько, что не слушал советов окружающих. И вот, вместе с давним торговым партнёром из Иерусалима пришла убийственная новость о семье новоиспечённой жены. В большом городе семью хорошо знали, но, отнюдь, не с хорошей стороны – девушка была блудницей, братья игроками и сутенёрами, а отец – известным мошенником. Эта компания, на которой пробы ставить было негде, в два счёта окрутила человека, всегда очень опасавшегося быть обманутым. Когда афера вскрылась, было слишком поздно – имущество было переписано на жену, торговля перешла в руки пройдохи тестя, а несчастному достался халат, тюрбан, четыре дороги и позднее осознание слов пифии, которые сбылись несмотря ни на что. Неизбежность предсказанной судьбы направила его в пустыню, где он прожил отшельником остаток жизни и умер всеми покинутый, забытый и утративший реальность бытия. Рыбаки, слушавшие меня с неподдельным вниманием, никак не могли уразуметь, каким образом это касается их проблем, и ждали резюме истории. Я вывел мораль этой басни, которая сводилась к тому, что написано на роду – не изменить, ибо задолго до нашего рождения судьба наша была уже начертана Всевышним и что кому суждено, то исполнится. И то, что уготовано жителям деревни, исполнится обязательно, надо только надеяться и ждать. Я заметил, как просветлели лица слушающих меня мужчин, надежда, которую вселили мои слова в их отчаявшиеся души, укрепила и разожгла едва теплившуюся уверенность в скорой трансформации своего тела в желанный образ – нежный и мягкий. Они слышали про операции, когда счастливики, накопив достаточно денег, обретают желанный пол и находят счастье с новым естеством. Они рассказали, что одному из рыбаков повезло и хозяин, у которого он служит, обещал помочь с операцией, но остальным придётся много работать, чтобы накопить денег. Я понял о ком идёт речь и спросил:

– Кто же этот щедрый человек? Ведь это дорогая операция.

– О, это большой человек, господин Раджив.– Ответил за всех высокий рыбак с грудью четвертого размера, видимо он, как и все в деревне принимал гормональные препараты.

– Но у него мало шансов,– сказал другой рыбак, пониже и с грудью второго достоинства. Он хохотнул и добавил: – Вы бы его видели...

Я его не видел, но по описанию Алана, понял, что он имел в виду.

– Так этот Раджив, он местный? – Спросил я наудачу, чувствуя, как у меня всё сжалось и похолодело внутри. Всё тот же худощавый с маленькой грудью, сказал, что господин Раджив имеет недалеко в джунглях большое поместье, где разводит лошадей и цветы, среди которых редчайшие орхидеи. Он гордо сообщил о том, что тоже побывал в поместье, правда,

его не пустили в дом, зато он посмотрел на лошадей, которых показывают всем желающим. Ещё рыбак сказал, что господин Раджив живёт на Яве, а поместьем управляет его брат. Господин приезжает раз в месяц, дня на три не более. Видя, что я потерял всякий интерес к продолжению беседы, рыбаки проводили меня до машины и на прощание подарили тунца. Я вернулся в посёлок и, вопреки желанию тут же ехать в усадьбу Раджива, решил всё обдумать и наметить план действий. Первым делом позвонил Алану. Тот ещё спал и будучи совой с утра был раздражителен и соображал туго. С третьего раза он наконец понял с кем говорит и выдал информацию, предназначенную мне ещё вчера. Алан сообщил, что Раджив вчера встречался с каким-то богатым арабом в ресторане «Красотки Явы», нашему детективу удалось оказаться в непосредственной близости от места их встречи и он уловил обрывки разговора, в котором речь шла о каком-то товаре, прекрасном, но слегка попорченном, что надо подождать... Потом они о чём-то договорились и Раджив, позвонив кому-то, попросил заказать четыре билета до Коломбо.

– Возможно, они сейчас в воздухе, – сказал Алан уже проснувшимся голосом. – Надо что-то делать, я вчера позвонил господину Джуанге, но он наорал на меня и посоветовал не лезть куда не просят. – Алан умолк, видимо ожидая моей реакции. Я раздумывал, не найдя слов чтобы ответить. Потом сказал:

– Ладно, буду действовать по обстоятельствам.

На этой оптимистичной ноте я закончил разговор и вышел из номера. Сибиряки уже проснулись и вяло что-то жевали на сухую. «Почему бы нет?» – подумал я, направляясь к беседке.

– Привет, о бледнолицые братья во Христе. – Сказал я и поднял руки жестом могикинина. – Как спалось?

Вчерашние собутыльники покачали головами, давая понять, что не очень. На их лицах, кроме петрушки и листьев тимьяна, были отпечатаны следы трёхдневного пьянства, которое, похоже, уже порядком надоело нашим героям. Впереди был ещё один день загубленного отдыха. Я критически посмотрел на их сгорбленные фигуры и предложил прогуляться. На вопросы куда, зачем и когда, я ответил стихами Юны Мориц: «Ни у кого не спрашивай когда. Никто не знает, как длинна дорога». Но обращая внимание на тот факт, что современные нефтяники могли не читать «Скрижали», написанные в шестидесятых годах прошлого века, я пояснил:

– Поедем смотреть лошадей.

Я посвятил своих новых знакомых в события этого утра и спросил, готовы ли они составить мне компанию и рискнуть, если в этом будет необходимость. Нефтяники переглянулись, почесали лохматые затылки и согласились, мотивируя тем, что скучно. После обеда троица с трудом разместилась в малолитражке, и мы отправились в поместье Раджива. Стёкла быстро запотели, мне пришлось выключить кондиционер и открыть все окна. Было жарко, солнце набрало силу и палило нещадно, но, подъехав через четверть часа к цели нашего короткого путешествия, я испытал нечто похожее на дрожь и озноб, когда увидел на дороге указатель с нарисованной лошадей и надписью поместье «Шетти». Я свернул под указателем и через триста метров асфальтированной дороги увидел высокий каменный забор, за которым громоздились крыши большого дома, стоящего в глубине поместья. Массивные деревянные ворота были закрыты, но когда мы подъехали, из маленькой калитки выглянул худой малаец и тут же исчез. Вместо него в проёме появился рослый тамил, очень прохожий по описанию Адама, на Кувата, из чего я смог заключить, что гости из Джакарты уже прибыли. Мы представились туристами из России, что было сущей правдой, приехавшими посмотреть на лошадей, что было только частью правды и, возможно, купить какую-нибудь кобылку, что было уже явной ложью. Но, Кувату это, видимо, было безразлично, он оглядел дорогу пристальным взглядом, словно ожидая кого-то, потом впустил нас внутрь и повёл по аллее. Я быстро огляделся: справа, как и

предполагалось, была ещё одна стена, отделяющая территорию конюшни от дома и сада, везде по периметру росли пальмы, на которых я заметил камеры. В огороженную часть вели ещё одни ворота поменьше с будкой охраны, как на режимных объектах. К нам подошёл слуга и повёл к манежу для объездки молодых жеребцов, мы увидели, как тренер дрессирует лошадь, стараясь добиться безупречной выездки. Потом показали конюшни, где породистые жеребцы жевали элитное сено и поглядывали на нас своими безумными глазами. Конюх рассказал нам о рационе и распорядке дня лошадей, о призах и чемпионских титулах, которые завоевали питомцы конюшни в Европе и Америке... Я слушал его в пол уха и думал, как попасть в дом Раджива. Экскурсия закончилась, и Куват повёл нас к выходу, куда мне совсем не хотелось идти. Я остановился у входа в дом, сам не зная зачем, и уже собрался отказаться от своего намерения действовать, как события стали развиваться независимо от моего желания – дверь, у которой я остановился, открылась, и на пороге появился мой старый знакомый – охранник Господина Раджива. Увидев меня, тот опешил и, конечно, сразу узнал. В следующее мгновение, я почему-то заорал: «Вперёд, соколики!» и ринулся внутрь дома, прыгая по коврам, как молодой бычок по весеннему лугу. По рычанию и сопению раздающимся сзади, я понял, что герои-нефтяники блокировали здоровяка охранника и Кувата. Пробежав по комнатам, я напугал нескольких девиц, по пути опрокинул ширму и, отшвырнув стул, ворвался в комнату, где сидели Раджив и араб, о котором сообщал Алан. Они были напуганы моим внезапным появлением, а Раджив, когда узнал меня, стал пурпурно-лиловым.

– Где?! – заорал я, прыгнув на торговца и схватив его за халат так, что Раджив заверещал, словно кролик. Араб, воспользовавшись возможностью, подхватив халат, побежал прочь. Я с удовольствием приложился кулаком к толстой роже торговца, исполнив давнишнее желание, появившееся ещё в ювелирном магазине, Я бил его приговаривая:

– Где она?! Где моя жена?!

Торговец заплакал и закричал, вытирая разбитый нос.

– Я не трогал её. Она больна... – он не успел договорить.

Я услышал топот ног и громкие крики. Приготовившись к отпору, я схватил бронзовую статуэтку Шивы, и в голове мелькнула мысль: – «Шива победил Равана». Двери с треском открылись и в комнату ввалились полицейские.

Глава 5

Операция по захвату преступников была произведена в считанные минуты. Правда, если бы не вмешательство Интерпола, местная полиция, со свойственной ей медлительностью, уложила бы не скоро. Все фигуранты, включая нефтяников и меня, были закованы в наручники, но разобравшись – кто есть кто – нас отпустили на волю. В доме шли обыски и вскоре, в саду обнаружили брата Раджива, где он прятался за кустами орхидей, кроме этого, в комнатах были обнаружены восемь девушек, попавших туда не по своей воле, а также нашли Кахайю в кровати за ширмой и перепуганную сиделку. Когда медики вынесли носилки, я наконец увидел её, исхудавшую, бледную: она была без сознания. Пока жену несли к машине, я шёл рядом и сжав горячую руку, свисавшую из-под простыни, молился, чтобы всё обошлось. Кахайю переложили на каталку, погрузили в оранжевый с белым крестом реанимобиль, и машина, включив сирену, уехала. Я остался,

поскольку мне и моим поделщикам предстояло ответить на ряд не совсем удобных вопросов, среди которых были такие: на каком основании мы вторглись в частные владения и что за самодеятельность я развёл с поисками на Яве и Шри-Ланке. Вторым вопросом особенно интересовался господин Джуанга, который вёл это дело. Как мне объяснили, он очень много сделал для его раскрытия и поимки злодеев, но действовал бы значительно эффективнее, если бы ему не мешали доморощенные детективы, которые ни черта не смыслят в деле сыска. С этим утверждением можно было поспорить, хотя бы потому, что поместье я нашёл без посторонней помощи. Если верить интерповцу выходило, что господин Джуанга провёл блестящую комбинацию, раскинув свои сети вокруг похитителей и, подослав мнимого араба под видом покупателя, спровоцировавшего Раджива на активные действия. Придя в себя от неожиданных открытий по поводу нерасторопного полицейского, в котором я, слава богу, ошибся и достаточно оптимистичного финала этой истории, я полностью вернулся к мыслям о жене. Мне надо было немедленно ехать в госпиталь Галле и вернуть себе спокойствие. Когда с нас сняли показания – чистая формальность для успокоения чиновничьей сущности полицейских, нас отпустили на все четыре стороны. Уходя я оглянулся на врага своего «Равана» – преступного и жалкого Раджива, который не вызывал у меня больше никаких эмоций, кроме сожаления о потерянном времени. По пути в Галле я завёз своих русских друзей в посёлок и высадил у склада, где торговали спиртным. Нефтяники тепло попрощались со мной и пообещали выпить за здоровье Кахайи. В искренности этого желания, а также возможности его исполнить у меня не было никаких сомнений и я с некоторым облегчением отправился в Галле, где довольно быстро нашёл единственный госпиталь в современной части города и, наконец, смог узнать о состоянии жены, которая по прежнему находилась без сознания. Доктор, который, наверняка, постигал науку врачевания в одном из монастырей расположенных в глубине острова, объяснил мне, что жизнь и здоровье моей жены, находятся в руках Будды и только ему ведомо, когда душа её выйдет из лабиринта многочисленных миров тёмной стороны. Я посмотрел на него сначала с сожалением, а потом с испугом: выходило так, что жизнь Кахайи находилась сейчас в руках этого сумасшедшего фанатика. Я отвёл его в сторону и, прижав к стенке, сказал, стараясь быть вежливым:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.